

Минну и Цзянь Сюэхэ почти не разговаривали. Обычно, заведя того издали, мальчик спешил свернуть на другую тропу, лишь бы не пересекаться. Его сегодняшняя дерзость — вызов, брошенный самому себе, — заставила слуг застыть в изумлении.

Тяжелый полог экипажа приподнялся. Минну столкнулся взглядом с сидящим внутри юношей. На самом краю горизонта, разрывая ночную мглу, несмело занималась заря, окрашивая бледное лицо Цзянь Сюэхэ в холодные тона. Его взор скользнул по Минну мимоходом, равнодушно и легко.

Спина Минну мгновенно одеревенела, а воздух в легких словно застыл. В памяти непрошеным призраком восстала его собственная смерть из прошлой жизни — жуткая, мучительная, — заставив тело инстинктивно сжаться в комок.

— Позволишь мне поехать?.. Брат Хэ?

Минну ростом не вышел — хрупкий, истощенный, с нежными чертами еще не созревшего лица. Его влажные темные глаза казались бездонными омутами, кристально чистыми и невольно рождающими жалость.

Цзянь Сюэхэ отвел взгляд. Чуть опустив ресницы, он едва заметным движением отодвинул свой меч в глубь сиденья, освобождая место.

— Садись.

Напряжение, до предела сковавшее тело Минну, наконец спало, точно лопнувшая струна. Внутри экипажа витал тонкий, прохладный аромат снежного благовония. Тихо пробормотав слова благодарности, Минну забился в самый дальний угол, стараясь держаться как можно дальше от попутчика.

До похоронного дома предстояло добираться около получаса. Острый, холодный аромат снега струился вокруг, вызывая у Минну смутную тревогу. Тяжелая, давящая аура Цзянь Сюэхэ заполняла все пространство экипажа. Юноша молчал, но это безмолвие казалось осязаемым, почти удушающим.

Прижавшись лопатками к деревянной обшивке, Минну застыл, безучастно наблюдая за мельканием унылых пейзажей за окном. Цзянь Сюэхэ достаточно было слегка приподнять веки, чтобы заметить, как сильно сжался мальчик у самой двери. Каждая линия его тела дышала глухой обороной, выдавая паническую настороженность. Цзянь Сюэхэ задержал на нем взор, невольно вспоминая день своего пробуждения и тот дикий, животный ужас, который отразился на лице Минну.

Сомнений не оставалось: этот заморыш до смерти его боялся.

Минну кожей ощутил этот пристальный взгляд. Он скользнул по нему морозным ожогом, точно невидимая ледяная петля стянула горло, лишая возможности дышать. Наваждение рассеялось лишь тогда, когда попутчик отвернулся. Осознание того, что каждое мимолетное движение находится под неусыпным надзором, рождало внутри липкий, удушливый дискомфорт.

Целых полчаса Минну не смел даже пошевелиться. Прибывшие на помощь заклинатели принадлежали к ордену Хуафэн — одной из самых авторитетных и известных школ в окрестностях Цзянчжоу.

— Молодой господин, мы на месте, — донесся снаружи негромкий голос кучера.

Серый рассвет нехотя отвоевывал пространство у ночи, но небо оставалось затянуто глухими тучами. Вокруг похоронного дома раскинулся старый персиковый сад. Мрачные, почти черные стволы деревьев делали пейзаж еще более зловещим, а сама усадьба тонула в липком, молочно-белом тумане.

— Молодой господин Хэ!

Орден Хуафэн прислал доверенных учеников самого главы. Возглавлял их Мэнцю — заклинатель, с которым Цзянь Сюэхэ частенько пересекался на совместных заданиях, отчего они давно считались добрыми друзьями. На его парадном одеянии отчетливо выделялся яркий узор весеннего цветка. Скользнув взглядом по Минну, который робко выбирался из повозки следом за спутником, Мэнцю с любопытством спросил:

— Неужто сегодня ты взял с собой помощника?

Цзянь Сюэхэ неопределенно хмыкнул и, вскинув подбородок, спросил:

— Что здесь происходит?

Мэнцю лишь обреченно покачал головой:

— Ни единой зацепки. Дело из рук вон странное. Пройдем во двор, молодой господин Хэ. — Он обернулся к Минну, задержав на нем оценивающий взгляд: — А этот... юноша желает пойти с нами или предпочтет остаться?

Похоронный дом дышал склепом, а зияющие впереди темные дверные проемы походили на разинутые пасти чудовищ, готовые поглотить любого, кто переступит порог. Минну поспешно закивал и сделал шаг ближе к Мэнцю, ища защиты за его широкой спиной.

— У меня совсем нет духовных сил, — признался он не без смущения, стараясь не глядеть на идущего рядом хозяина. — Буду только под ногами путаться.

Увидев, как мальчик инстинктивно ищет у него покровительства, Мэнцю на секунду озадаченно переглянулся с Цзянь Сюэхэ, но быстро взял себя в руки и мягко улыбнулся:

— Пустяки. Мы уже окружили усадьбу защитным барьером, так что бояться нечего. Мы направляемся к телам погибших. Постарайся не закричать от страха.

Цзянь Сюэхэ на мгновение замедлил ход, но промолчал, сохранив на лице маску высокомерного равнодушия.

— Решил набраться опыта в ночной охоте? — добродушно поинтересовался Мэнцю.

Следовавшие за ним двое младших адептов Хуафэн — ребята помоложе и заметно бойчее своего старшего брата — тут же вставили свои замечания:

— В такие проклятые места из одного лишь любопытства соваться не след! То, что молодой господин Хэ берет тебя с собой, — редкое исключение. Полюбуйся на трупы, может, ума-разума прибавится.

— Сразу поймешь, насколько опасна скверна.

О существовании второго молодого господина в клане Цзянь за пределами поместья никто и не слыхивал, поэтому юные адепты приняли Минну за обычного слугу или младшего воспитанника. Мальчик лишь кротко кивнул в ответ. Подобная покладистость озадачила парней — обычно изнеженные отпрыски благородных семейств, увязавшиеся за старшими, оказывались невыносимо капризными, а этот вел себя тише воды, ниже травы.

— Все тела перенесли на задний двор, — продолжил Мэнцю, ведя группу мимо обветшалых пристроек. — С начала месяца погибло уже семь человек, вчера доставили восьмого. Странно то, что наши поисковые талисманы не улавливают ни капли темной энергии.

Они миновали низкую арку и очутились на заднем дворе, где туманная взвесь казалась еще плотнее. Окружавшие площадку деревья давно прогнили под воздействием скрытой скверны; их листва приобрела уродливый буро-алый оттенок, навевающий мысли о запекшейся крови. Все указывало на то, что здешняя земля взрастила нечто жуткое, однако в воздухе по-прежнему не ощущалось привычного зловония демонической ци.

— Все они погибли при загадочных обстоятельствах, — негромко рассказывал Мэнцю. — Смерть наступила от удушья, однако на телах живого места нет от ожогов. При этом в похоронном доме с начала месяца не зафиксировано ни одного, даже самого мелкого пожара.

Тяжелые ворота за их спинами захлопнулись с протяжным, зловещим скрипом. Во дворе, выстроившись в идеально ровный ряд, покоились мертвецы. Внезапный порыв ледяного ветра взметнул край погребального савана, явив взору изуродованное, обугленное лицо покойника с

синюшным отливом кожи и неестественно вывернутой челюстью.

В прежней жизни Минну никогда не сопровождал сводного брата на подобных вылазках — сегодня им двигал тайный расчет. Но сейчас, воочию созерцая окоченевшие трупы с лопнувшими от безмолвного крика ртами, он почувствовал, как к горлу подступает тошнотворная дурнота, а по позвоночнику разливается леденящий холод. Инстинктивно ища защиты, он придвинулся вплотную к плечу Мэнцю. Тот шел чуть впереди, и этот жест малодушного страха тут же вызвал усмешки у следовавших позади учеников:

— А парень-то шустрый, сразу смекнул, к кому жаться! Наш старший брат — душа-человек, первого встречного в обиду не даст. Держись за его рукав покрепче, и никакая тварь к тебе не сунется.

Наглецы тихонько прыснули, но Мэнцю одарил их столь выразительным взглядом, что те мгновенно прикусили языки.

Минну искоса наблюдал за Цзянь Сюэхэ. Тот не обращал на чужую болтовню никакого внимания. Его холодный, оценивающий взор скользил по мертвой плоти. Наклонившись над ближайшим телом, он без малейшей брезгливости коснулся изувеченной кожи. Ожоги действительно выглядели жутко: они спускались от изуродованных лиц вниз, по шеям к ключицам. Кожа полопалась и обуглилась, обнажая багровые, сочащиеся сукровицей переплетения сосудов.

Цзянь Сюэхэ безжалостно подцепил ногтем сочащиеся сукровицей остатки тканей. Эта кровавая каша выглядела настолько омерзительно, что Минну поспешно зажал рот ладонью, сдерживая рвотный позыв. Но на лице Сюэхэ не дрогнул ни один мускул. С самым будничным видом он поднес испачканные пальцы к лицу и осторожно принялся.

— Нефритовая молочная трава, — негромко констатировал Мэнцю, подтверждая догадку товарища. — Она встречается исключительно на склонах горы Лицюань. И судя по всему, перед смертью несчастные активно с ней контактировали — их одежды насквозь пропитаны этим соком. Первые семеро расстались с жизнью прямо здесь, в стенах похоронного дома, а восьмой погиб непосредственно в горах. Почерк везде один и тот же, но зловещей ауры на телах — ни крупы.

Превозмогая слабость, Минну вновь заставил себя взглянуть на покойников. Каждое лицо представляло собой маску первобытного, застывшего во времени ужаса.

"В прошлой жизни Цзянь Сюэхэ едва не сгинул на горе Лицюань, — лихорадочно соображал мальчик. — Значит, тварь затаилась именно там..."

— Эту траву предали огню, — прозвучал холодный голос Цзянь Сюэхэ.

На бледной коже Цзянь Сюэхэ все еще темнели капли чужой плоти. Он плавно повел рукой,

концентрируя духовную энергию на кончиках пальцев, и принялся медленно чертить в воздухе невидимые руны. Бурая грязь на его ладони мгновенно вспыхнула, сменив цвет на молочно-белый, а затем превратилась в легкие хлопья. Эта белесая взвесь медленно закружилась в воздухе, сгущаясь прямо над его ладонью в зловещий, пульсирующий узор, похожий на уродливо вывернутый черный иероглиф «человек».

Оба младших адепта синхронно охнули, отшатнувшись назад:

— Тьма небесная... Это же проклятие!

Мэнцю подошел ближе и осторожно протянул руку к парящему знаку. Тот зыбко колыхался в воздухе, словно сотканный из сотен крошечных черных червей, выдыхающих клубы темного дыма. Даже на расстоянии в несколько шагов от него веяло жутким загробным холодом, от которого мгновенно каменели мышцы.

— Манящее зловещее проклятие, — помрачнел Мэнцю. — Древняя скверна, лишаящая человека собственной воли. Всех случайных людей из похоронного дома мы выдворили еще вчера. Всю ночь наши люди несли дозор на дороге: ни один крестьянин не проходил в сторону горы Лицюань.

Минну заворуженно смотрел на копошащееся черное пятно. Плотное скопище зловещих знаков казалось ему смутно знакомым. Он изо всех сил пытался выудить из памяти хоть какую-то зацепку, но тщетно — воспоминания упрямо ускользали, оставляя лишь сосущую пустоту в груди.

Пальцы Цзянь Сюэхэ вновь окутало мягкое сияние духовной силы. Под ее воздействием копошащийся черный иероглиф вдруг вспыхнул тусклым, неестественным пламенем.

— В Фэнчжоу поговаривали, будто местная нечисть поклоняется древнему Богу поклонения огню, — прохладно заметил юноша. — Его жрецы были искусны в сотворении губительного пламени, а нефритовая молочная трава в их преданиях почиталась за священную искру этого божества.

Цзянь Сюэхэ небрежно раскрыл ладонь. Покоящийся за его спиной Снежный меч с тихим, чистым звоном сам выскользнул из ножен. Короткий росчерк ледяного света озарил сумрачный двор, и парящий сгусток тьмы мгновенно рассеялся, обратившись в безвредный пепел.

— Искать нужно на горе Лицюань, — отрезал он.

Всего четверть часа — и сложнейшая загадка решена. Минну невольно прикусил губу от досады. Цзянь Сюэхэ всегда обладал пугающей проницательностью, с легкостью распутывая узлы, над которыми другие ломали головы неделями. В памяти всплыло, как в его прошлой жизни кровоизливающая трава привела к чудовищной резне. Тогда расследование поручили

именно Сюэхэ. Тот блестяще справился с задачей: уничтожил тварь и заодно разрушил рабские пути проклятой травы, освободив несчастного двойника от навязанной ему злой доли.

Он мог спасти чужака... но пальцем не пошевелил, чтобы уберечь Минну.

Однако стоило мальчику вспомнить, какая бездна отчаяния развернется перед этим безупречным гением в самое ближайшее время, как гнетущая обида, терзавшая его душу, сменилась злорадным облегчением.

— Молодой господин Хэ, раз уж дело коснулось темных проклятий, перед нами явно не обычный дикий дух, — с сомнением покачал головой Мэнцю. — Разумнее всего будет отправить вестника в орден и передать расследование старейшинам.

Цзянь Сюэхэ слегка повернул голову, являя собеседнику безупречный и холодный, словно высеченный из нефрита профиль. Его взгляд, пронзительный и острый, заставил Мэнцю осечься.

— Если упустить тварь сегодня, завтра она растворится в тумане, и мы ее уже не найдем.

— Но молодой господин Хэ, те мелкие пакости, что мы изгоняем обычно, не идут ни в какое сравнение с древним проклятием... — робко попытался вставить слово один из младших адептов.

Мэнцю, однако, уже принял решение. Он повернулся к своим подчиненным:

— Прекратить споры. Разделитесь: один остается охранять трупы на случай непредвиденного, второй во весь опор мчится к главе ордена с докладом. Мы с молодым господином Хэ выдвигаемся к горе Лицюань прямо сейчас.

— Но старший брат... — Адепты нерешительно переглянулись, с явным сомнением косясь на безучастную фигуру Цзянь Сюэхэ.

Тот мало того что был совсем юн, так еще и не имел официального статуса заклинателя в их школе. Полагаться на безродного одиночку в столь опасном деле казалось им верхом безумия.

— Выполнять приказ, — жестко пресек колебания Мэнцю.

Минну благоразумно помалкивал, не пытаясь вставить ни слова. Тащиться в горы сейчас означало превратиться в живую мишень и обузу, из-за которой Мэнцю придется постоянно отвлекаться. К тому же он точно знал: Цзянь Сюэхэ одолеет тварь лишь завтра к полудню. Стало быть, самому Минну торопиться некуда — достаточно подняться на перевал завтра в положенное время.

Вдруг ледяной взор Цзянь Сюэхэ сфокусировался на нем.

— Минну, — прозвучал обманчиво-мягкий голос юноши. — Разве не ты сегодня с утра слезно умолял расширить твой кругозор?

В глубине этих темных, удлинённых глаз не отражалось ровным счетом ничего. Голос юноши оставался пугающе ровным.

Минну вспыхнул до корней волос. То была лишь наспех придуманная ложь для Чуньлань, чтобы оправдать свое внезапное рвение. На самом деле соваться в логово монстра он не планировал. Да и с чего вдруг сводный брат, годами не замечавший его существования, проявил такое странное участие? Уж не задумал ли он избавиться от надоедливого заложника прямо в горах?

— Я... пожалуй, не пойду, — выдавил из себя Минну.

Почувствовав, как все присутствующие уставились на него, он поспешно добавил, силясь придать голосу как можно больше покорности:

— От меня там не будет никакого толку, только лишние хлопоты для молодого господина Хэ. Я смиренно подожду вашего возвращения здесь, внизу.

Цзянь Сюэхэ даже бровью не повел в ответ на его малодушие. Слегка поведя плечом, он сотворил технику перемещения и в то же мгновение растаял в воздухе вместе с Мэнцю, оставив после себя лишь легкий вихрь опавших листьев.

<http://bllate.org/book/20439/2108699>